

столь значительной перестройке, что стал почти неузнаваемым. Внешний вид Софии Новгородской напоминал огромный куб, устойчивый и монолитный. Могучие стены собора, сложенные из дикого камня, с малым числом оконных проемов, увенчивались шестью величественными куполами. На смену многоступенчатой пирамидальности силуэта Софии Киевской пришла монументальная замкнутость объемов Софии Новгородской. Нарядная щеголеватость внешнего декора южнорусского храма уступила место благородной простоте внешнего убранства ее северного собрата. Единственным украшением стен Новгородской Софии были мощные лопатки и тонкие полуколонки на гранях центральной апсиды, да аркатурные пояски на барабанах. Весь облик этого храма был отмечен печатью сурового величия, одухотворенной созерцательности и эпического спокойствия, как бы навеянными привольным и задумчивым пейзажем русского Севера¹³.

В течение XI—середины XII в. византийские традиции достаточно прочно сохранялись в древнерусском зодчестве, хотя их воздействие в различных областях Древнерусского государства проявлялось с неодинаковой силой. Со второй половины XII в., однако, намечается явное ослабление византийского влияния, что ознаменовалось появлением в древнерусской архитектуре храмов башнеобразной формы, неведомой византийскому зодчеству. Примером памятников этого круга служат Спасо-Евфросиньевский монастырь в Полоцке (1159), Собор Михаила Архангела в Смоленске (1191—1194), храм Параскевы Пятницы в Чернигове (конец XII в.).

По мере роста феодальной раздробленности в Древнерусском государстве и с превращением феодальных княжеств в крупные центры культуры мало-помалу византийское влияние начинает ослабевать. С конца XII в. пути развития византийского и древнерусского зодчества стали расходиться. В зодчестве Владимиро-Суздальской Руси, Новгорода, Пскова, Смоленска византийское наследие подвергалось весьма существенной переработке.

Наиболее интенсивно процесс творческого переосмысления византийского и западноевропейского культурного наследия протекал в архитектуре Владимиро-Суздальской Руси. Благодаря работам советских ученых Н. Н. Воронина, Г. К. Вагнера, М. В. Алпатова и многих других, а также с помощью неустанного кропотливого труда художников-реставраторов сравнительно недавно был воскрешен прекрасный мир Владимиро-Суздальского зодчества¹⁴. Искусство этого края поражает не только обилием памятников, но и наличием среди них немалого числа подлинных шедевров.

Жемчужиной владимиросуздальского зодчества XII в. по праву считается храм Покрова Богородицы на Нерли (1165). Скорбя о гибели любимого сына Изяслава, владимирский князь Андрей Боголюбский построил этот маленький шедевр, овеянный светлой грустью и кроткой поэзией. Храм с удивительной тонкостью воплотил в белом камне эстетику и художественные вкусы древнерусского общества. Строгая красота и пластичность архитектурных форм храма, увенчанного куполом на высоком барабане, несколько удлиненные его пропорции создают впечатление устремленности ввысь и необычайной легкости и гармоничности всей конструкции. Он не только органически вписывается в задумчиво-поэтический пейзаж русской природы, но как бы сливается с ним в нерасторжимом един-

¹¹ Лазарев В. Н. Указ. соч., с. 214.

¹² Лазарев В. Н. Указ. соч., с. 214—218; Лихачев Д. С. Принцип ансамбля в древнерусской эстетике. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966, т. II, с. 118 сл.; Айналов Д., Редин Е. Киево-Софийский собор. СПб., 1889.

¹³ Лазарев В. Н. Указ. соч., с. 119—120.

¹⁴ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1961, т. I; Вагнер Г. К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси. Юрьев-Польской. М., 1964; Он же. Скульптура Древней Руси. Владимир, Боголюбово (XII в.). М., 1969; Алпатов М. В. Этюды по истории русского искусства, с. 63—75.